

УДК 81-116.3

«WHICH SIDE ARE YOU ON, BOY?» РОМАН ЯКОБСОН В ПРАГЕ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА¹

*П. Стайнер*¹

¹ University of Pennsylvania, 745 Williams Hall
255 S 36th St., Philadelphia, PA 19104—6305
Поступила в редакцию 22.06.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-2

Рассматривается частная жизнь Романа Якобсона между 1920 и 1939 годами, когда он жил в бывшей Чехословакии сначала как советский дипломат, а затем как ученый, оказавшийся в хитросплетении политических интриг того времени. На основе архивных документов автор показывает сложные и зачастую противоречивые отношения с триадой политических учреждений, в орбитах которых вращался Якобсон: Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел и Миссия / Политическое представительство Красного Креста в Праге. Оценка лояльности Якобсона советской власти остается открытой и выносится на суд читателя.

Ключевые слова: Р. Якобсон, Пражский лингвистический кружок, биография, межвоенный период.

Два человека играют в шахматы, ты заинтересован игрой, но не заинтересован в результатах игры, смотришь с любопытством, сочувствуешь проигрывающему, радуешься ловкому шаху выигрывающего и продумываешь «ходы» и за белых, и за черных. На минуту можешь даже подсесть к столу поиграть за одного из них. Вот мое отношение к сегодняшней политике.

*Из письма Романа Якобсона Григорию Винокуру.
Ноябрь 1920 года*

Роман Якобсон, без сомнения, является одной из самых маститых фигур современной славистики. Но, будучи выдающимся ученым, он также принимал активное участие и в бурных событиях XX века. Сей-

¹ Доклад, представленный 19 ноября 2015 года на международной конференции «Роман Якобсон: Лингвистика и Поэтика», состоявшейся в Милане и Верчелли. Заглавие «Which side are you on, boy?» («На чьей ты стороне, парень?») заимствовано из песни жены профсоюзного лидера Сэма Риса Флоренс Рис, написанной в 1931 году в ответ на репрессии со стороны полиции. Песня стала неофициальным гимном профсоюзного движения и получила особую известность в исполнении Пита Сигера (Pete Seeger).

© Стайнер П., 2018

час, когда прошлое исчезает с головокружительной скоростью, кажется, что исследователи, изучающие его работы, все меньше и меньше довольствуются отвлеченным рассмотрением его мыслей как некоей автономной, внеисторической системой. Вместо этого они стараются уловить преходящий многоаспектный социальный контекст становления его идей — будь то идеологические подтексты научных теорий Jakobsona, его отношения с русскими эмигрантами или его противостояние консервативному академическому сообществу Чехословакии. Мое исследование сосредоточено на исторических документах, иллюстрирующих сложные и часто противоречивые отношения Jakobsona с тремя политическими учреждениями, в орбитах которых он вращался, находясь в Чехословакии в межвоенный период. Это 1) Министерство внутренних дел; 2) Министерство иностранных дел (также называемое по-чешки *Zamini* или, по-другому, *Černín* из-за его местонахождения в одноименном дворце в стиле барокко); 3) Миссия советского Красного Креста (трансформировалась в 1921 году в коммерческую делегацию, а в 1922 году стала де-факто политическим представительством).

Благодаря донесению анонимного агента чешской полиции, тайно посланного наблюдать за Миссией советского Красного Креста с того момента, как ее поезд из Берлина пересек границу, последующим поколениям точно известно, когда Jakobson (как переводчик) и шестеро других членов группы, возглавляемой доктором Соломоном Гиллерсоном, прибыли на Пражский вокзал Вудро Вильсона. Это произошло 10 июля 1920 года в 16.32. Поскольку правительство Чехословакии официально не признавало Советское государство, предполагалось, что цель Миссии исключительно гуманитарная — возвращение на родину русских военнопленных, застрявших на территории бывшей Габсбургской империи. Но из-за политической ситуации, идущей русско-польской войны и вдохновленных советской революцией коммунистических восстаний в Германии и Венгрии в воздухе царил атмосфера глубокого недоверия. Личные вещи путешественников были досмотрены, а десять больших ящиков, ввезенных из Берлина, были изъяты для дальнейшего изучения².

Jakobson и шестеро остальных прибывших временно расположились в центре города в отеле «Империял», где многокомнатный номер одновременно служил им рабочим кабинетом, а отряд сыщиков начал свое наблюдение. Но примерно две недели спустя местный Красный Крест предложил своим русским коллегам дополнительно три комнаты в его собственном здании на улице Некланова в районе пражского Вышеграда. Однако, как мы узнаем из конфиденциального доклада Министерства внутренних дел от 27 июля, это не было актом благотвори-

² В ящиках находилось 15 миллионов рублей, выпущенных Временным российским правительством после Февральской революции и все еще имевших хождение в России в то время, и 6 миллионов старых австрийских банкнот, которые, однако, без гербовой марки Министерства финансов Чехословакии, отличающей их от такой же валюты, использовавшейся в других государствах-преемниках Австро-Венгрии, не считались в стране законным платежным средством.

тельности. Очевидно, что этот шаг был мотивирован «подозрением Красного Креста Чехословакии в том, что [Советская миссия] занималась не только гуманитарной и общественной деятельностью, но также и политической, и коммерческой». Более того, вице-президент национального Красного Креста, доктор Прохаска, с которым МВД провело беседу за два дня до прибытия советской делегации, пообещал делиться с полицией своими внеслужебными наблюдениями.

Местонахождение жилых помещений членов Миссии и их служебных кабинетов в различных районах Праги в определенной степени осложнило скрытое наблюдение за ними. Расстояние в 3 км между отелем «Империал» и улицей Некланова, 34 потребовало увеличения команды детективов в два раза, о чем 30 июля пражская полиция просила в письме, адресованном господину Шлехте, советнику МВД. Благодаря этому все передвижения хитрых большевиков, с момента их выхода из гостиницы и до их возвращения, довольно хорошо известны. Но, увы, все эти доклады читать довольно скучно, они лишены описания непристойных, неблагоразумных поступков и вместо этого изобилуют подробностями о средствах передвижения, названиями посещенных мест и именами личностей, пытавшихся вступить в контакт с делегацией. Мы также знаем адресатов писем, отправленных Миссией из местного почтового отделения. Более того, все телеграммы специальным образом изучали, чтобы определить, можно ли их послать. Несколько сообщений, высланных Якобсоном Михаилу Левидову, главе Телеграфного агентства России, и описывавших политическую ситуацию в Центральной Европе, побудили полицию 21 июля уведомить дворец *Černín* о том, что «русская миссия, кажется, не занимается исключительно вопросами дружеской социальной помощи, но также преследует и иные цели».

Игра в кошки-мышки между полицией и Якобсоном приняла неожиданный поворот 24 января 1922 года в 11.30 утра, когда Якобсон умышленно запер Франтишека Бема, агента под прикрытием, в номере 64 отеля «Империал», предназначенного для размещения дипломатических курьеров. Полицейский протокол, составленный сразу после инцидента и должным образом подписанный Якобсоном, объясняет случившееся. Причиной столкновения стал член Московского лингвистического кружка Петр Богатырев, которого Якобсон оставил в номере на ночь (вероятно, в компании стенографистки Тамары Юльевны Ланге, на которой Богатырев женился в 1923 году) без регистрации в отеле. Узнав об этом, бдительный Бем, который в это время был на дежурстве, решил установить личность незнакомца и вошел в номер, спрашивая у Богатырева (который прибыл в Прагу 10 января, чтобы присоединиться к коммерческой делегации) его удостоверение личности. Якобсон был против этого действия, апеллируя к принципу экстерриториальности, а так как полицейский открыто проигнорировал его возражения, он выбежал и запер номер. Он поступил так, объяснял Якобсон в протоколе, потому что действия Бема противоречили юридическому статусу помещений, поэтому он вышел, чтобы позвонить в Министер-

ство иностранных дел и попросить прислать кого-нибудь сделать соответствующую запись об этом нарушении дипломатического протокола. Полиция не поверила его словам, и только вмешательство полицейского врача, объявившего, что Якобсон болен (у него была температура 38°C), спасло его от немедленного ареста. Два дня спустя президиум Министерства внутренних дел передал досье, содержащее изобличающие улики, Министерству юстиции с требованием, чтобы подозреваемому были предъявлены обвинения в уголовном преступлении — нарушении личной свободы Бема.

Но этого так и не случилось! Днем 1 февраля на письменном столе доктора Новака из отдела юстиции зазвонил телефон: на другом конце провода были доктор Бенеш, министр иностранных дел, и премьер-министр Чехословакии. Согласно заметке, которую Новак оставил об этом разговоре, Бенеш, несмотря на возражения Новака, что ни Якобсон, ни Богатырев не обладали дипломатической неприкосновенностью, утверждал, что Якобсон был прав в том, что помещения Миссии действительно были экстерриториальны. К этому премьер-министр добавил, что он также озабочен безопасностью чехословацких представителей в Москве, к которым советская милиция может применить такие же меры. В конце он настоял на том, чтобы обвинения были сняты, иначе «грубая ошибка, которую мы допустили, станет известна всему миру»³. Само собой разумеется, что пожелание премьер-министра было исполнено, и Якобсон остался безнаказанным.

Но не только МВД было озабочено деятельностью Якобсона в Праге. Тревожные сообщения, отражающие изменения обстоятельств жизни Якобсона, также приходили из Полпредства Чехословакии в Москве: первое — в середине 1922 года. Осенью 1920 года он покинул советскую делегацию, чтобы подать документы в Карлов университет и стать вольным слушателем⁴. При этом неясно, в какой мере он прекратил работать на Народный комиссариат по иностранным делам (Наркоминдел). Действительно, Якобсон переехал из отеля «Империал» в снятую им комнату 25 октября. Но в полицейском докладе от 26 января 1921 года сообщается, что он постоянно бывал в советском Полпредстве, почти каждый день общаясь с его членами до самого вечера, а также посещал квартиру Солодовниковой (предположительно русской шпионки). Перемены в карьере, однако, оказались непродолжительными. Факультет философии принял его заявление, но русские профессора-эмигранты препятствовали его зачислению, и ему разрешили приходить только на курсы преподавателей, давших свое согласие на

³ Прикличение, однако, не прошло незамеченным. О нем было сообщено в газете левого толка «Трибуна» 1 февраля под заголовком «Экстерриториальность и пражская полиция». Ошибка со злорадством приписывалась тому обстоятельству, что полицейский, вероятно, не понимал, что значит слово «экстерриториальность».

⁴ В письме, датированном 20 октября 1920 года, Гиллерсон сообщает министру иностранных дел, что Роман Якобсон «ушел со службы по собственному желанию и больше не является нашим сотрудником».

его посещение. Разочарованный результатом, Якобсон бросил академические занятия в конце 1921 года и стал пресс-атташе сформированной на тот момент Советской коммерческой делегации, возглавляемой Павлом Мостовенко⁵.

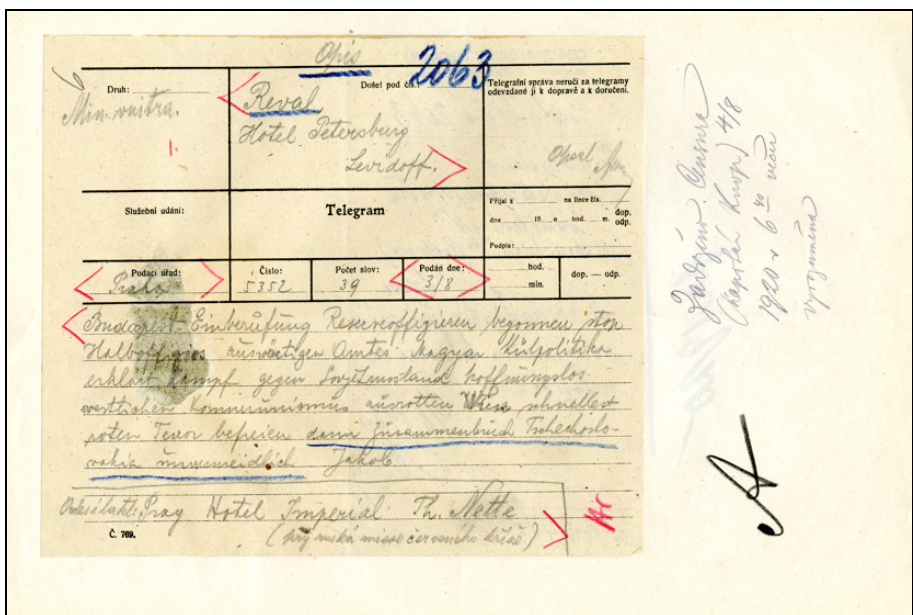
В Москве, кажется, так и не узнали всю эту историю. Глава Полпредства Чехословакии в Москве Йозеф Гирса предупреждал Прагу в «секретном» сообщении 1 июля 1922 года, что «согласно полученной нами информации... русский студент факультета философии, Якобсон, — доносчик русской советской делегации в Праге». Увы, предупреждение Гирсы не было своевременным, что становится ясным из написанного от руки указания на полях документа: «Сообщите полпредству», — приказывает адресат сообщения, — «что Якобсон — член делегации Мостовенко». Кажется, что приказ так и не был выполнен, так как 18 января 1923 года Гирса направил в Прагу вторую «совершенно секретную» записку, уточняющую положение Якобсона, потому что «[в Москве] ходят упорные слухи о том, что он шпион и провокатор». Из черновика ответа на это сообщение становится ясным, что МИД уведомило представительство в Москве о текущей ситуации с Якобсоном и в свою очередь попросило Гирсу уточнить, что является почвой для этих «упорных слухов».

Ответ был срочно отправлен. Пятнадцатого февраля Гирса объяснил МИДу, что его источником являются родители обучающихся в Праге русских студентов, которые просят его через дипломатические каналы уведомить своих детей о грязной игре Якобсона. Гирса открыто отказался поступить так из-за страха быть скомпрометированным, но так как просивших было много и это были надежные люди, он пришел к выводу, что «без всякого сомнения Якобсон — агент ГПУ, выполняющий секретное задание среди русских эмигрантов в Чехословакии». Пользующийся доверием сотрудник третьего отдела МИДа (разведка и пропаганда) Ярослав Папоушек, близкий знакомый Якобсона, написал опровержение на двух страницах, категорически отрицая все обвинения Гирсы. Письмо изобилует фактами, но в нем не упоминаются рабочие отношения с Якобсоном. Все же оно отражает некоторую двойственность его положения. «Поведение Якобсона, по моему общему впечатлению», высказывает свое мнение Папоушек 5 марта, «заключается в том, что он тщательным образом избегает не только политики, но также всего того, что может скомпрометировать его, и что он постепенно готовится поселиться либо в Чехии, либо в Германии и полностью посвятить себя научной и литературной деятельности, в то же время сохранив связи с Россией».

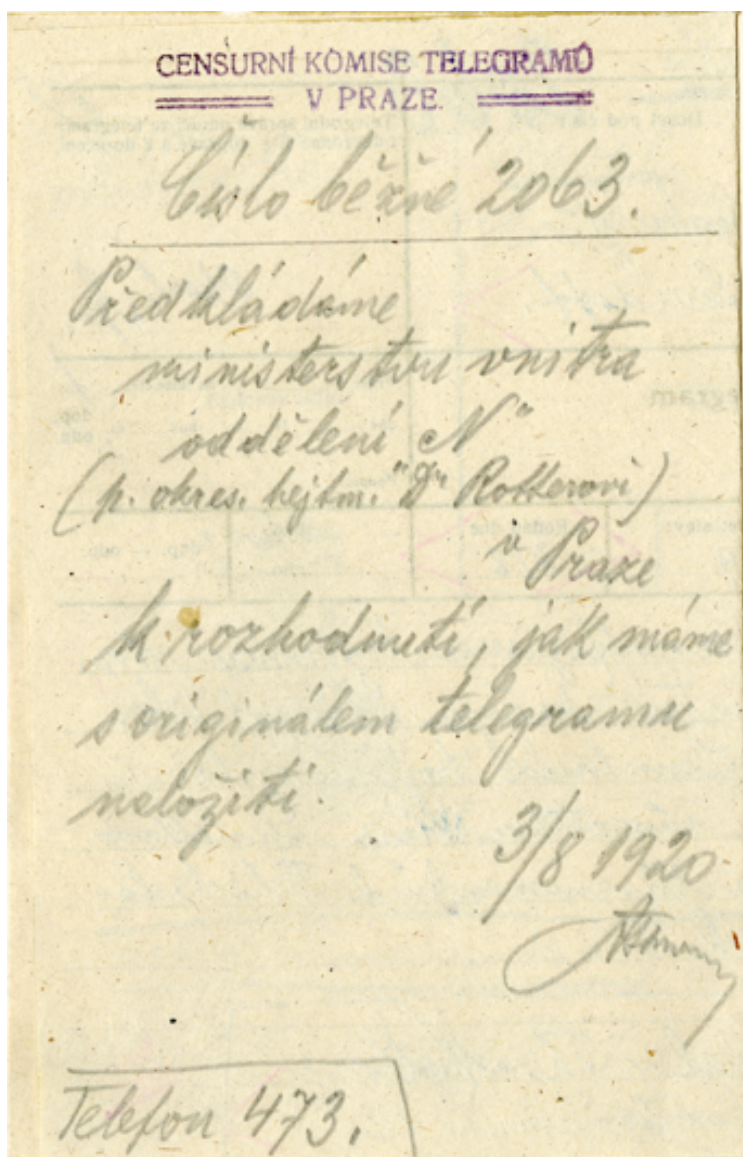
⁵ Не совсем ясно, когда Якобсон точно возобновил свое сотрудничество с Полпредством. Из служебной записки Министерства иностранных дел Министерству внутренних дел от 14 февраля 1922 года следует, что Якобсон, во время инцидента в отеле «Империял», не был сотрудником организации («nejsa v úředním poměru... k delegaci») Его имя появляется в приложении к списку новых членов представительства, который министерство иностранных дел передало министерству внутренних дел 22 апреля 1922.

Отель «Империял» в 1914 году
(предположительно Российская миссия Красного креста)

Телеграмма Р. Якобсона Левидову по прибытию в Прагу: «Будапешт: начались призывы офицеров запаса. Полуофициальные новости Министерства иностранных дел. Венгерская "Кюльполитика" заявляет, что борьба с Советской Россией безнадежна. Освободить Вену от красного террора — кратчайший путь. Тогда крах Чехословакии неизбежен. Якоб. Отправитель: Прага, отель "Империял", Т. Нетте» (пер. с немецкого) (Национальный архив, Прага, из личного архива автора).

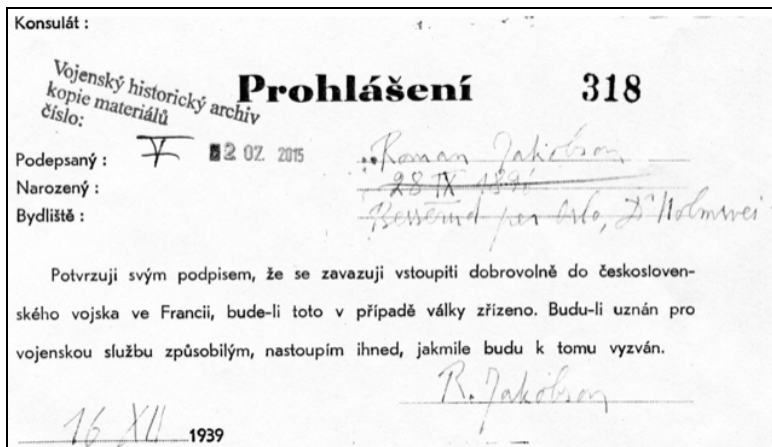

Донесение цензора:

«Комиссия по цензуре телеграмм в Праге. Общий номер 2063.
Отправлено в Министерство внутренних дел. Отдел "N"
(д-р Роттер, начальник округа в Праге). Решить, что делать с оригиналом
телеграммы. 3 августа 1920 г. [ПОДПИСЬ] Телефон 473» (пер. с чешского)
(Национальный архив, Прага, из личного архива автора)

Итальянская виза во временном чехословацком паспорте Р. Якобсона (получена для участия в 3-м Международном конгрессе лингвистов в Риме) (Архив сил безопасности, Прага, из личного архива автора)

Заявление, подписанное Р. Якобсоном в чехословацком консульстве в Осло 16 декабря 1939 года: «Этой подписью я подтверждаю свое обещание добровольно присоединиться к чехословацкой армии во Франции, если таковая будет создана в случае войны. Если буду признан годным к военной службе, я явлюсь служить, когда бы меня ни призвали» (пер. с чешского). Якобсон по ошибке написал свою дату рождения по старому календарю и потом ее перечеркнул (Военно-исторический архив, Прага, из личного архива автора)

СВЕДЕНИЯ О ПРЕД'ЯВИТЕЛЕ SIGNALEMENT DU PORTEUR	
1. Дата рождения	28. Сент-брт 1896 г.
Date de naissance	28. Septembre 1896
2. Место рождения	Москва
Lieu de naissance	Moscou
3. Семейное положение	незам
Etat civil	marie
4. Специальность и род занятий	профессор университета
Specialité ou profession	professeur à l'Université
5. Последнее местожительство в СССР	Москва
Dernier domicile dans l'URSS	Moscou
6. Документа, на основании которых выдан настоящий вид на жительство	Взани второй паспорт, выданной Яковом Яковичем в Праге в Праге 10/12/1934 г. № 124363
7. ПРИМЕТЫ	SIGNALEMENT
Рост	Высокий
Taille	haute
Глаза	голубые
Yeux	bleus
Нос	высокий
Nos	élevé
Волосы	темные
Cheveux	blonds
Особые приметы	Signes particuliers

Возможность фотографической проверки и собственноручный автограф.

L'authenticité de la photographie et de la signature est certifiée.

Москва
Consul

И. П.

Валаса консула — Signatura ex officio.

Пред'явитель настоящего вида на жительство	Яковсон
Родился	28. Сент-брт 1896 г.
Родился	28. Septembre 1896
Место рождения	Москва
Lieu de naissance	Moscou
является гражданином	Союза Советских Социалистических Республик, в удостоверение чего указанному гражданину выдан настоящий вид на жительство.
Валасителен до	19. Децемб 1935 г.
Valable jusqu'à	19. Décembre 1935
Выдан	19. Децемб 1934 г.
Delivré le	19. Décembre 1934
№	124363
М. П.	Москва СССР
Consul de l'URSS	Secretaire
Место	Прага
Place	Prague

Le porteur du présent passeport
Yakovson
est citoyen de l'Union des Républiques Socialistes, en foi de quoi lui a été délivré le présent passeport.

Москва
Consul

И. П.

Валаса консула — Signatura ex officio.

Последний советский паспорт Р. Яковсона, выданный в Праге 19 декабря 1934 года (Национальный архив, Прага, из личного архива автора)

Первая известная утечка секретной информации в Чехию со стороны Яковсона случилась в 1924 году. В тот год Российская академия наук начала готовиться к празднованию своего двухсотлетнего юбилея, и высшие эшелоны советской власти выбирали почетных гостей из-за границы. Новый глава советского полпредства в Праге Владимир Антонов-Овсеенко по совету Яковсона 9 июня предложил Москве кандидатуру Томаша Г. Масарика — известного философа, но также на тот

момент и президента Чехословакии. Однако, пока Москва обдумывала эту идею, Якобсон, очевидно, рассказал об этом решении другому сотруднику третьего отдела МИДа Йозефу Шрому, который сообщил эту информацию самому Масарику. Остается догадываться, поступил ли Якобсон так, чтобы заслужить покровительство президента, но советские власти, узнав об утечке информации и оказавшись в неудобной ситуации, начали официальное расследование, чтобы выяснить, кто проговорился. Прежде чем результаты стали известны, нарком иностранных дел СССР Георгий Чичерин в отчете Секретариату ЦК РКП(б) указал на Якобсона, охарактеризовав его как «человека ненадежного, но абсолютно незаменимого для исполняемых им функций». В отчете Овсеенко относительно сложившегося положения дел, посланном три дня спустя (9 июля), поясняется: «Якобсон нам чрезвычайно полезен, и реальная польза от него перевешивает возможный вред. До сих пор нет данных, уличающих его в двойственной игре. Хорошая половина нашей информации исходит от него и от его источников»¹.

Овсеенко оправданно защитил Якобсона, потому что его «длинный язык» не следовало рассматривать только как помеху, но также можно было бы использовать и как удобный инструмент дезинформации. Позвольте мне объяснить. Одним из камней преткновения в чехословацко-советских отношениях было непризнание Прагой СССР. Кремль усилил давление в конце 1926 года, когда Наркоминдел угрожал закрыть чехословацкую миссию в Харькове, если она не будет повышена в статусе до консульства, а советскую миссию в Братиславе не наделят таким же статусом (см., напр.: [5, р. 21]). Секретный доклад Якобсона Папоушеку от 25 октября, несомненно, был частью этой кампании. Его целью было раскрыть ответный план Кремля на случай, если Чехословакия не признает советское правительство в течение нескольких недель: «В Москве набрали силу те, кто требуют решительных действий», — доверительно сообщает Якобсон с позиции осведомленного сотрудника и кратко перечисляет нарушенные обещания различных чехословацких партий изменить положение дел. «На основании всего этого, — заключает он, — по всей вероятности, было решено, что если в скором времени не последует признания, то [советское] политическое представительство будет отозвано в Москву, все коммерческие заказы аннулированы и отношения прекращены до тех пор, пока СССР не будет признан».

Однако в миссии Чехословакии в Москве, куда направили копию сообщения, сенсационная новость Якобсона не произвела никакого впечатления. Анонимный корреспондент, подвергнув ее резкой критике, отметил, что это предупреждение нельзя принимать всерьез, так как есть веские причины того, почему СССР не может позволить себе относиться с пренебрежением к Праге (в письме перечисляются три из них). Более того, он подверг сомнению намерения Якобсона: «Ранее я

¹ Для дальнейшей информации см: [2, с. 117–137]. Вероятно, что «чешский журналист Шромм», посредник между Якобсоном и Масариком, согласно Сорокиной, был Йозефом Шромом, который с 1921 по 1929 год работал в миссии Чехословакии в Москве как офицер разведки и пропаганды, а с 1930 года стал главой пресс-бюро в посольстве в Вене. Мы позднее вернемся к этой персоне.

уже уведомлял МИД об отношении Якобсона к нам и к советской власти. Прилагаемый документ убеждает меня еще раз, что они используют [его], чтобы неофициально сообщить министерству то, что они хотят, чтобы наше правительство знало. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что "сообщение господина Якобсона" является не актом доброй воли с его стороны, а простым исполнением приказа свыше... Мне ясно, что через Якобсона советская власть оказывает давление на министерство и не исключено, что это их способ *ввести в заблуждение*².

Но если и подобного рода советская сфабрикованная информация служила его собственным целям, политическое руководство Чехословакии не стеснялось ее использовать. Я имею в виду любопытную историю «политического» генерала Радолы Гайды, набирающую обороты с 1926 по 1928 год, в которой двойность Якобсона сыграла свою роль. Президент Масарик с большим подозрением относился к этому участвовавшему в России во время Гражданской войны герою Чехословацкого корпуса из-за его профашистских взглядов. Масарик опасался, что Гайда может воспользоваться своим положением начальника Главного штаба и, повторив организованный Юзефом Пилсудским и успешно состоявшийся в соседней Польше в мае 1926 года правительственный переворот, прийти к власти. У СССР тоже имелся зуб на Гайду, и Союз был рад вступить в сговор с Чехией. Гайда был не только одним из инициаторов так называемого Челябинского инцидента (когда корпус отказался сдать оружие большевикам, что позволило чехословацким эшелонам пройти через Сибирь в порт Владивостока), но также и генералом в армии адмирала Колчака — одного из главных руководителей Белого движения, выступающих против красных в Гражданской войне. Сговор состоялся, и Гайду обвинили, помимо прочего, в том, что он, будучи советским шпионом, во время обучения в военной академии Франции в начале 1920-х годов передавал Советскому Союзу военные уставы, чему Овсенко поклялся предоставить убедительные доказательства.

В этом деле советская миссия, как следует из сохранившихся документов, использовала Якобсона двумя способами. С одной стороны, она оказывала давление на чехов, поскольку те не были полностью уверены в том, что обвинения против Гайды убедят суд. Он якобы «уведомил начальника третьего отдела МИДа, Яна Гаека, а затем повторил то же самое на приеме у министра Бенеша... 4 июля, что Гайда знает о том, что против него выдвинуты обвинения, и вошел в контакт с теми, кто будет давать против него показания, чтобы склонить их на свою сторону. Он также предупредил, что французы уже осведомлены об этом деле и существует опасность того, что они так или иначе опубликуют [материалы, которые у них есть]». Поэтому, рассуждал он, «желательно ускорить решение и расследование». С другой стороны, Якобсон пытался объяснить местным скептикам, почему доказательства вины Гайды, изначально обещанные советской миссией, могут вообще не быть предоставлены. Примерно 28 июля он, вероятно, объяснял Арне Лаурин, главному редактору «Prager Tagblatt», полуофициальной газеты, выходившей в Праге на немецком языке, одним из читателей которой

² Интересно заметить, что в оригинале письма автор пишет эту идиому на русском языке.

был Масарик, что существуют «довольно напряженные отношения между Министерством обороны и Министерством иностранных дел СССР... и высказал мнение, что Овсеенко может быть трудно получить разрешение от советского правительства опубликовать документы... потому что Минобороны едва ли передаст эти документы МИДу, если в результате этого станут известны имена советских шпионов» (цит. по: [4, р. 91–92, 114]). Обещанные доказательства так и не были предоставлены, так что в 1928 году отчаявшийся Масарик послал упомянутому выше Йозефу Шрому срочную депешу с просьбой к Чичерину о «разрешении переписать материалы, касающиеся Г., от руки. Чичерин слушал с интересом», сообщил в ответ Шром, «и пообещал ответить позже» (цит. по: [4, р. 188]). Но так и не ответил.

Дипломатическая карьера Яковсона подошла к концу в 1928 году. Несмотря на смелые попытки Овсеенко оставить его на должности, во время повсеместных кадровых перестановок в пресс-службах во всех важных для СССР миссиях за границей он был уволен, поскольку не состоял в коммунистической партии (см. об этом: [1, с. 120–125]). Однако это увольнение не причинило вреда Яковсону – решив остаться в Чехословакии, он не отказался от гражданства СССР, а полпредство регулярно выдавало ему советские паспорта (последний – в 1934 году). Согласно полицейскому отчету от 1 февраля 1933 года (я вернусь к этому документу позднее), «Яковсон, даже после того как были прерваны официальные отношения, часто посещал советское полпредство... и коммерческую делегацию». В дополнение к этому, несмотря на «отказ Яковсона повиноваться приказу и вернуться в Москву... он не стал выступать против советского правительства и не подвергался никаким репрессиям со стороны СССР». В это же время МИД Чехословакии выдало ему повторную въездную визу, чтобы он смог поехать в Германию. Позже он регулярно получал временные паспорта Чехословакии для путешествий за границу, в которых его национальность была указана как «неопределенная». Также ему позволили остаться в Праге до 10 декабря 1932 года.

Несмотря на значительные перемены в статусе Яковсона, он все равно находился под прицелом аппарата государственной безопасности. Но хотя аппарат оценивал его негативно, считая неблагонадежным человеком, это компенсировалось вмешательством МИДа. Так, например, в феврале 1929 года МВД проинформировало соответствующие правительственные органы, что в советской газете «Пролетарская правда» появилась статья, критикующая политическую ситуацию в Закарпатье, подписанная инициалами А.Г., за которыми, весьма вероятно, скрывался Яковсон³. Однако управление полиции Праги, откуда поступила эта информация, заставили отказаться от таких выводов 3 июля после активных возражений МИДа о том, что это не соответствовало действительности. В отчете Министерства от 10 июня настаивали на том факте, что тогда Яковсон все свое время посвящал подготовке к докторскому экзамену и редактировал академический журнал «Slavi-

³ Скорее всего, скрывшимся под инициалами А. Г. автором инкриминируемой статьи был Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, который отбыл из Праги в Литву в 1928 году и публиковался под псевдонимом А. Гальский (см. [3]).

sche Rundschau», издаваемый Францом Спиной, который, следует упомянуть, на тот момент был не только научным руководителем Якобсона, но и министром здравоохранения и физического воспитания.

Эта постоянная борьба из-за Якобсона между МВД и МИДом усилилась в 1930-х годах, после того как Якобсон, получив степень доктора наук в Немецком университете Карла-Фердинанда, был приглашен работать на недавно созданный факультет славистики в Масариков университет в Брно. Профессор Богуслав Хавранек, член Пражского лингвистического кружка и ярый сторонник Якобсона, возглавлял комитет по приему на работу. Неудивительно, что реакция двух министерств, проверяющих принимаемые кадры, была совершенно противоположной. Позиция МВД, высказанная Министерству образования в служебной записке 18 октября, была сдержанной, если не сказать откровенно враждебной: «В виде исключения мы не возражаем против назначения Романа Осиповича Якобсона профессором русской филологии на контрактной основе», при условии, что для этой работы не найдется подходящего кандидата, имеющего гражданство Чехословакии.

МИД, как и ожидалось, было больше готово сотрудничать. Следует также отметить, что ранее корреспонденция министерства касательно Якобсона была благосклонной, но отстраненной, однако с этого момента стала полна энтузиазма, представляя его союзником министерства и ценным сотрудником. Отвечая на запрос Хавранека 6 марта насчет позиции МИДа по поводу назначения Якобсона, уже упомянутый выше Ян Хайек отрицал, что его министерство каким-либо образом препятствовало Якобсону, когда тот подавал заявление на обучение в Карлов университет в 1920 году. Напротив, заявил он, мы «готовы, в случае необходимости, поддержать кандидатуру [Якобсона], если Масариков университет ее предложит». И его коллега, Папоушек, которому было адресовано письмо Хавранека, пометил на полях копии ответа Хаека следующее: «Pro domo: Министр Бенеш был проинформирован по этому вопросу. Он согласился, что ответ должен быть положительным и благосклонным».

«Положительный и благосклонный ответ», адресованный Министерству образования, составил 16 октября второй по важности человек в МИДе — историк Камил Крофта, подписавший письмо «от имени министра». «Министерству иностранных дел, — не смягчал он слова, — не известно ни одного случая вероломства или некорректного поведения доктора Якобсона по отношению к нашему государству; напротив, нам известны многие случаи, когда доктор Якобсон очевидно хотел помочь нашему народу и действительно помогал». Таким образом, «Министерство иностранных дел не сомневается в том, что доктор Якобсон сможет оказывать услуги нашему государству также и в будущем; поэтому мы не только не возражаем против его назначения профессором на контрактной основе в Масариков университет в Брно, но и, руководствуясь интересами министерства, мы это рекомендуем».

Рекомендация Крофты была принята во внимание, и Якобсон был назначен в Брно. Однако, чтобы окончательно получить эту должность, ему пришлось пройти через предусмотренную процедуру хабили-

ции, что состоялось в 1932–1933 году и стало причиной еще одной конфронтации между двумя министерствами. В докладной записке, занимающей четыре листа и подготовленной директором Пражской полиции для президиума МВД 1 февраля (из которой я уже ранее приводил цитаты), перечислялись все случаи, свидетельствующие о криминальном, подрывном и предательском поведении Яковсона, и в довершение всего был нанесен решающий удар: «Приняв во внимание все перечисленные обстоятельства, наше учреждение считает Яковсона политически неблагонадежным (подчеркнуто в документе. — П. С.) и не без основания подозревает, что он проживает в Чехословакии по приказу Третьего интернационала, который поручил ему политическое задание. Вероятно, что он, по их инициативе, пытается получить влиятельную должность именно в славистике, так как, будучи профессором университета, в этой области он прежде всего может насаждать коммунистические принципы и продвигать интересы СССР». Может служить небольшим утешением то, что даже в этом документе есть комичные места: пятая страница, прикрепленная к нему, содержит дополнительные обвинения некоего доктора Фишера, должностного лица в Министерстве внутренних дел, который «в связи с назначением доктора Романа Яковсона профессором в университете Масарика в Брно заявил, 1) что его брат преподает в Берлине и [Яковсон] туда часто ездит; 2) что он живет не по средствам, посещает бары и недавно в одном баре в Праге он устроил сцену, ударив кого-то по лицу».

Однако МИД не позволило МВД оставить за собой последнее слово в этой конфронтации. Двадцать первого февраля Йозеф Шром, чешский дипломат, о котором я упоминал ранее, послал Хавранеку из Вены собственные свидетельские показания, отрицающие связи Яковсона с коммунистами. Шром подчеркнул в своем письме, что он не только знает Яковсона на протяжении 10 лет, но также знаком с его женой и родственниками в Москве. Он категорично писал, что в связи с этим «я мог бы, уважаемый господин профессор, подтвердить торжественно и перед любой комиссией, что Яковсоны никогда не являлись членами коммунистической партии, никогда не оказывали ей особых услуг и никогда не прекращали испытывать к Чехословакии чувство благодарности за гостеприимство, оказанное им. Доктор Яковсон, благодаря своим знаниям и доброжелательному отношению к Чехословацкой Республике, будет гордостью любого из наших университетов».

В связи с ростом влияния Гитлера в соседней Германии в середине 1930-х годов политическая ситуация в Центральной Европе изменилась кардинальным образом. Угроза распространения нацизма в значительной степени вытеснила страх перед подрывной деятельностью коммунистов, и в 1935 году Чехословакия полностью признала советское правительство. В сложившихся обстоятельствах научная деятельность Яковсона была одобрена третьим отделом МИДа как ценный интеллектуальный вклад в «культурную борьбу» с немецкой пропагандой. МИД оплачивало его расходы на посещение научных мероприятий за границей и финансировало его поездки по стране. Также министерство советовалось с ним в делах, касающихся России, таких как, например,

составление программы для делегации советских журналистов, посещавших Чехословакию в октябре 1935 года. Однако старые подозрения не исчезли полностью даже после того, как в 1937 году Якобсон получил гражданство Чехословакии, что позволило ему занимать должность профессора в университете в Брно на постоянной основе. Двенадцатого июня он даже почувствовал необходимость написать доктору Яну Йину (Jína), высокопоставленному лицу в МИДе, и попросил того предупредить ставшего уже министром иностранных дел Крофту, что его работа все еще под угрозой, так что в случае необходимости пусть Крофта вмешается от своего имени. В качестве своего источника информации Якобсон назвал выдающегося чешского журналиста Губерта Рипку.

Немецкая оккупация Чехословакии 15 марта 1939 года побудила Якобсона отправиться в его вторую, скандинавскую, ссылку. Если раньше его преданность Чехословацкой Республике была под сомнением, теперь, после того как это государство перестало существовать, он безоговорочно признался в ней. В письме из Чарлоттенлунда (Дания) от 27 апреля 1939 года Якобсон уведомил Рипку, который на тот момент находился в Париже, занимаясь созданием Национального комитета Чехословакии, что он предоставляет себя «в полное распоряжение» (подчеркнуто Якобсоном. — П. С.) этого органа. Шестнадцатого декабря, после переезда в Норвегию, он подписал в консульстве Чехословакии в Осло следующую декларацию: «Этой подписью я подтверждаю свое обещание добровольно присоединиться к чехословацкой армии во Франции, если таковая будет создана в случае войны. Если буду признан годным к военной службе, я явлюсь служить, когда бы меня ни призвали».

Список литературы

1. Генис В. «Якобсон, конечно, возмутится...» // Вопросы истории. 2008. №12.
2. Сорокина М. «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика — Якобсона» // In Memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина / под ред. Владимира Аллоя и Татьяны Притыкиной. СПб. ; Париж, 2000.
3. Шубин А. В. Антонов-Овсеенко В. А. URL: <http://1937god.info/node/1689> (дата обращения: 15.09.2015).
4. Klímek A., Hofman P. Vítěz, který prohrál: Radola Gajda. Paseka, 1995.
5. Lukeš I. Czechoslovakia between Stalin and Hitler: The Diplomacy of Edvard Beneš in the 1930s. Oxford, 1996.

Об авторе

Стайнер Питер, доктор филологии, заслуженный профессор (emeritus professor) Университета Пенсильвании, США.
E-mail: psteiner@sas.upenn.edu

Для цитирования:

Стайнер П. «Which Side Are You on, Boy?»: Роман Якобсон в Праге межвоенного периода // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №1. С. 13–28. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-2.

«WHICH SIDE ARE YOU ON, BOY?» ROMAN JAKOBSON
IN THE INTERWAR PRAGUE

P. Steiner¹

¹ University of Pennsylvania
Philadelphia, PA 19104, USA
Submitted on June 22, 2017
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-2

The author describes the private life of Roman Jakobson between 1920 and 1939 when he lived in the former Czechoslovakia, first as a Soviet diplomat and later as a scholar caught in a thick web of political intrigues. Using archival documents, the author illustrates Roman Jakobson's complex and often contradictory relations with the trio of political institutions within whose orbits he was moving: 1) the Ministry of Interior; 2) the Ministry of Foreign Affairs; 3) and the Soviet Red Cross Mission/Political Representation in Prague. The reader is invited to assess Jakobson's loyalties: whether to concur with Georgii Chicherin's opinion that Jakobson is perhaps "an unreliable but absolutely indispensable" because, as the chief of the Soviet delegation, Antonov-Ovseenko, put it, "a good half of our information comes from him," or to give credence to the Prague Police Directorate's portrayal of Jakobson as the resident of "the Third International... charged... with a political mission," or to accept as fact a testimonial letter by the Czechoslovak Ministry of Foreign Affairs according to which Jakobson not only "wished to help our nation and did help" but "will be able to render very good services to our state also in the future."

Key words: Roman Jakobson, Prague Linguistic Circle biography, interbellum.

References

1. Genis, V., 2008. "Of course, Jakobson will be outraged...". *Voprosy istorii* [Issues of History], 12.
2. Sorokina, M., 2000. "Unreliable, but absolutely indispensable": the 200th anniversary of the Academy of Sciences and the "Masaryk-Jakobson case". In: V. Alloi and T. Pritykina, eds. *In Memoriam: Istoricheskii sbornik pamyati A.I. Dobkina* [In Memoriam: Historical collection by memory of A.I. Dobkin]. St. Petersburg, Paris.
3. Shubin, A. V. *Antonov-Ovseenko V.A.* Available at: <http://1937god.info/node/1689> [Accessed 18 August 2015].
4. Klimek, A., Hofman, P., 1995. *Vítěz, který prohrál: Radola Gajda*. Paseka.
5. Lukeš, I., 1996. *Czechoslovakia between Stalin and Hitler: The Diplomacy of Edvard Beneš in the 1930s*. Oxford.

The author

Dr Peter Steiner, Professor Emeritus, University of Pennsylvania, USA.
E-mail: psteiner@sas.upenn.edu

To cite this article:

Steiner P. 2018, 'Which Side Are You on, Boy?' Roman Jakobson in the Interwar Prague, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 1, p. 13–28. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-2.